

ANEKDOTE И WITZ. К ПРОБЛЕМЕ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Показывается, что трансформация немецкого языкового исторического анекдота Anekdote в формат языкового бытового анекдота Wortwitz не частотное явление, имеющее только один вектор развития, а именно: языковой исторический анекдот трансформируется народным сознанием в формат языкового бытового анекдота. Рассматриваются трансформации, сопровождаемые обретением сюжетом анонимности, изменением / не изменением его композиционного формата, уплотнением текстового полотна.

Ключевые слова: (языковой) исторический анекдот, (языковой) бытовой анекдот, композиционный формат, повествование (короткий рассказ и короткий диалог), шуточный вопрос, сентенция, трансформация.

The article shows that the transformation of the German language historical anecdote into the format of a language everyday anecdote is not a frequent phenomenon that has only one vector of development, namely: the language historical anecdote is transformed by the national consciousness into the format of a language everyday anecdote. The article deals with the transformation accompanied by the acquisition of a plot of anonymity, changing / not changing of its compositional format, compacting of the text canvas.

Key words: (language) historical anecdote, (language) everyday anecdote, composition format, narrative (short story and short dialogue), humorous question, sentence, transformation.

Короткий юмористический сюжет, повествующий о небольшом эпизоде из жизни прославившейся в истории личности, в немецкой культурной традиции называется словом (die) Anekdote. Согласно данным этимологического словаря [10, S. 29], немецкое слово Anekdote представляет собой кальку заимствованного в 18 веке из французского языка слова anecdote, в свою очередь восходящего к греческому anekdota, используемому в значении «неизданный, неопубликованный». Именно под названием anekdota в кругах просвещенного мира стал известен труд византийского историка Прокопия, содержание которого составляли юмористические зарисовки смешных нелепостей из личной жизни придворных. Сказанное делает очевидной этимологическую связь жанра Anekdote с юмористическими изображениями событий из жизни исторических личностей и примерное соответствие [3, S. 25] немецкого слова Anekdote термину *исторический анекдот*.

В настоящем исследовании малоформатный юмористический сюжет, репрезентирующий своего героя представителем определенной эпохи, определенной социальной группы, мы также называем *историческим анекдотом* и толкуем его как рассказ о невероятном и забавном случае из жизни чем-то известных в истории людей. «Die Anekdote — kurze (unbegläubige) Erzählung, die eine historische Persönlichkeit durch eine Begebenheit charakterisiert» [9, S. 54]. (1). «Als Lion Feuchtwanger zum ersten mal nach New York kam, machten auf ihn die farbigen Lichtreklamen der Broadwaynacht starken Eindruck. Hingerissen seufzte er: „Wie wundervoll muß dieser Anblick für jemand sein, der nicht

lesen kann!“». При этом мы поддерживаем мнение о том, что исторический анекдот «стимулирует историческое или логико-психологическое любопытство, воскрешая быт, нравы эпохи, помогая постигнуть глубинные закономерности национального бытия» [4, с. 25].

Изучение аутентичного практического материала [7] позволяет утверждать, что героями исторических анекдотов являются известные всем носителям немецкого языка персонифицированные деятели немецкой и западноевропейской культуры, искусства, науки. Среди них поэты и писатели (Х. Закс, С. Фооте, Мольер, Г. Е. Лессинг), актеры и режиссеры (Л. Девриент, Х. Лаубе, Ф. Хаасе), композиторы (И. С. Бах, К. У. Глюк, К. Ф. Цельтер), дирижеры, солисты, критики (В. Енгель, Ф. Калькбреннер, Э. Ханслик), художники и скульпторы (Г. Шадов, А. фон Менцель, Х. Тома), врачи (Э. Л. Хайм, Ф. Тидельманн, М. фон Петенкофер), естествоиспытатели и социологи (А. Г. Кэстнер, В. Гримм, Г. Бюхман) и многие другие. На этом основании мы полагаем, что немецкий исторический анекдот имеет право претендовать на известную историческую достоверность: достоверность имен, кажущуюся или действительную реальность событий и весьма высокую вероятность реального закрепления события за персонажем.

Думается также, что такому сюжету присуща известная нравоучительность, ибо кроме намерения рассмешить реципиента он преследует цель побудить его к размышлению. Как самобытную характеристику отметим «более изысканный стиль изложения, основу которого образует тщательный подбор языковых средств, воплощающих содержание» [5, с. 8].

Короткий юмористический сюжет, повествующий о забавном эпизоде из бытовой / повседневной жизни типизированного в менталитете народа представителя немецкого этноса, носители немецкого языка называют словом (der) Witz. Под словом Witz согласно словарю Duden понимается «[prägnant formulierte] kurze Geschichte, die mit einer unerwarteten Wendung, einem überraschendem Effekt, einer Pointe am Ende zum Lachen reizt» [12]. (2). «Sekretärin am Sprechgerät: „Chef, hier ist ein Mann, der Sie nach dem Geheimnis Ihres Erfolges fragen will.“ — „Klären Sie bitte vorab, ob er Journalist oder Polizist ist!“». Такие забавные юмористические истории мы называем *бытовыми анекдотами*. Тем самым подчеркивается, что их сюжеты неизвестный остролов из народа (абстрактный представитель народа, обладающий юмористическим восприятием мира) «подсмотрел» в гуще повседневной бытовой народной жизни и просеял сквозь призму типического.

Героем бытовых анекдотов может стать любой рядовой немецкий гражданин: рядовой госслужащий, предприниматель, учитель, врач, официант, рыболов, автомобилист и т. п. О вымышленности таких сюжетов, на наш взгляд, свидетельствует тот факт, что они репрезентируют своего героя как среднестатистического обывателя. Встречаются и такие сюжеты, персонажами которых становятся животные, наделяемые характеристиками человека. Такие сюжеты обретают в финале неожиданную интерпретацию, вызывающую смех реципиента.

Отличительными характеристиками как исторического, так и бытового анекдота можно считать алогичность и непредсказуемость реакций персонажей, конфликты между действием и моралью, обескураживающие смысловые зависимости там, где их в реальности не существует. В их основе лежит карнавальное и смеховое отношение к стабильным общественно значимым нормам, идеям, ценностям, а также к тяготеющим к ритуальности реалиям

объективной действительности [6, с. 14]. Для понимания многих сюжетов необходима юмористическая компетенция реципиента и его фоновые знания.

Однако в массе немецких исторических и бытовых анекдотов встречаются сюжеты, особое своеобразие которых (вызывающее и их юмористический эффект, и смеховую реакцию реципиента), создаёт присутствующий в их текстовом полотне семантически двухплановый опорный компонент (опорная лексема или более крупный опорный фрагмент). Такого рода немецкие исторические анекдоты справедливо называть *языковыми* историческими анекдотами (ЯИА), а немецкие бытовые анекдоты — *языковыми* бытовыми анекдотами (ЯБА).

ЯИА (3) рассказывает о сложных отношениях между актером и режиссером. (3). «Ein Schauspieler stand sich schlecht mit Felix Hollaender, dem Regisseur bei Max Reinhardt. Bei einer passenden Gelegenheit erklärte er dem Regisseur: „Sie heißen Hollaender und sind in Berlin. Wissen Sie, was ich mir wünschte? Sie würden Berliner heißen und wären in Holland!“». Актеру досадно, что в Берлине у него не ладятся творческо-профессиональные отношения с режиссером Ф. Холлендером. Поэтому он заявляет, что лучше бы Феликс имел фамилию Берлинер и проживал в Голландии, нежели фамилию Холлендр и проживал в Берлине. Свою реакцию он эксплицирует при помощи языковой игры семантико-синтаксического типа, которая построена на стилистической фигуре хиазм [1].

В ЯБА (4) в статусе опорной лексемы функционирует полисемантический глагол *fehlen*, который гипотетический реципиент анекдота обнаруживает сначала в реплике пациентки, а затем и доктора. Пациентка, всерьез обеспокоенная плачевным состоянием своего здоровья, рассказывает врачу о массе тревожащих и даже мучающих её недугов, завершая свой рассказ вопросом *Können Sie mir sagen, was mir fehlt?*, в котором благодаря опорной лексеме эксплицируется значение «*fehlt mir was? bin ich krank?*» (DU, 2001b). (4). «Aufgeregt kommt eine Dame zum Arzt. „Herr Doktor, ich habe immer Kopfschmerzen, Reißen in den Armen, Bruststechen, Magenschmerzen und Hexenschuss. Meine Knie und meine Füße tun mir weh, dazu kommen Ohrensausen und Augenflimmern. Können Sie mir sagen, was mir fehlt?“ — „Was soll Ihnen denn fehlen?“, mokiert sich der Arzt. „Sie haben ja schon alles.“». Однако в реагирующей реплике врача имеет место намеренная актуализация в опорной лексеме *fehlen* другого узуально закреплённого подзначения „*nicht zu jmds. Verfügung stehen; jmdm. abgehen, mangeln*“ [8], в чём ещё раз убеждает его высказывание „*Sie haben ja schon alles.*“ Намеренное манипулирование значениями опорной лексемы *fehlen* позволяет врачу отреагировать на реплику пациентки, демонстрируя при этом свои лингвокреативные способности.

Изучение композиционных характеристик немецких ЯИА и ЯБА показало, что спектр их структурно-композиционных типов разнообразен.

Установлено, что ЯИА существует только в формате повествование (короткий рассказ и короткий диалог). Так ЯИА (5) имеет формат повествование (короткий рассказ). (5). «Kant traf einen Bekannten, der sich gerade von einer Dame verabschiedete. „War das Ihre Braut, von der Sie sich verabschiedeten?“, fragte er. „Ja, ja“, erwiderte der Freund. „Wundern Sie sich über meine Wahl?“ Kant lächelte: „Nein, über Ihre Wahl wunderte ich mich nicht, aber über *ihre!*“». ЯИА (7) и ЯИА (8) представлены в формате повествование (короткий диалог). (7). «Der Dirigent und Komponist Volkmar Andreas sagte einmal zu Max Reger: „Weißt du, Reger, wenn man deine Musik hört, wird man nicht reger,

sondern immer matter! “ „Und wenn man deine Musik hört, mein Lieber“, erwiderte Reger, „dann hört man immer andere heraus!“». (8). «Als Max Regers Freund Karl Straube während des ersten Weltkrieges für tauglich zur Artillerie befunden wurde, sagte Reger: „Erst protzte er auf der Orgel, und nun orgelt er auf der Protze!“».

Форматы существования ЯБА гораздо более разнообразны. ЯБА в форме короткого рассказа. (9). «Die Frau ist schlau, wartet erst, bis der Mann in der Badewanne liegt, dann fragt sie ihn, dass er ihr noch etwas Haushaltsgeld zuschließen soll. „Warum musst du mich in der Badewanne damit belästigen?“, prustet er. „Weil du sonst wieder sagst, du säßest auf dem Trocknen!“». Языковой бытовой анекдот в форме короткого диалога. (10). «“Es ist ein Kreuz mit meinem Mann!“, wettet Frau Brösel bei der Nachbarin. “Wenn er an einer Kneipe vorbeikommt, dann kann er nicht widerstehen, und wenn er da wieder raus kommt dann kann er wieder nicht stehen!“». Немецкий языковой бытовой анекдот в форме шуточного вопроса формально соответствуют кратко сформулированному вопросу с лаконичным ответом на него. (11). «Warum hat Gott übrigens die Kartoffel erschaffen? — Damit die armen Leute auch jemanden haben, dem sie die Haut abziehen können». Немецкий языковой бытовой анекдот в форме сентенции. (12). «Wer immer gut über die Runden gekommen ist, wird auch bei den Schlanken keine besonderen Schwierigkeiten haben».

Изучение значительного количества немецких языковых исторических и бытовых анекдотов позволяет зафиксировать эксклюзивные трансформации народным сознанием ЯИА в формат ЯБА.

В частности, среди немецких языковых бытовых анекдотов обнаружен следующий юмористический сюжет. (13). «Ein alter Mann stand einmal auf der Plattform einer überfüllten Straßenbahn. Ein junger Mann trat ihm auf den Fuß und blieb darauf stehen. Doch der Mann zog seinen Fuß nicht weg. Er klopfte dem jungen Mann nur auf die Schulter und fragte: „Sagen Sie, junger Freund, wie alt sind Sie denn?“ Der junge Mann schaute den Mann zuerst groß an und antwortete dann: „20 Jahre.“ Dann lachte der Mann und sagte: „Das dachte ich mir. Aber ich meine, Sie können in diesem Alter schon *auf eigenen Füßen stehen!*“». Удалось установить [7], что он представляет собой трансформацию ЯИА (13). (13). «Paul Heyse stand einmal auf der Plattform einer überfüllten Straßenbahn. Ein junger Mann trat ihm auf den Fuß und blieb darauf stehen. Doch der große Novellist zog seinen Fuß nicht weg. Er klopfte nur dem jungen Mann auf die Schulter und fragte: „Sagen Sie, junger Freund, wie alt sind Sie denn?“ Der junge Mann schaute den Dichter zuerst groß an und antwortete dann: „Zwanzig Jahre.“ Da lächelte Heyse und sagte: „Das dachte ich mir. Aber ich meine, Sie können in diesem Alter schon *auf eigenen Füßen stehen!*“». Очевидно, что в данной трансформации ЯИА (13) в ЯБА (12) в полной мере и без всяких изменений адаптируется семантический механизм создания юмористического эффекта в сюжете. Однако предлагаемая в ЯБА ситуация в отличие от ситуации, описываемой в ЯИА, в результате утраты прямой связи-референции с жизнью известной исторической личности в конкретную историческую эпоху обретает полную анонимность и может быть экстраполирована на рядового среднестатистического немецкого гражданина.

Несомненный интерес представляет языковой исторический анекдот, сюжет которого связывается в немецкой культурной традиции то с одной, то с другой исторической личностью (так называемый *Wanderanekdote*), которая может принадлежать даже к различным этносам. (14). «*Der Tenor Josef Schmidt, blutjung, aber schon bekannt, besuchte den Presseball in Berlin.*

Ein schönes Fräulein erregte seine Aufmerksamkeit, er stellte sich ihr vor und bat um den nächsten Tanz. Die junge Dame aus `bester` Gesellschaft musterte ihn herablassend durch ihren Fächer: „Mit einem *Kind* tanze ich nicht.“ Schmidt stutzte, lächelte: „Verzeihung, meine Gnädige, ich hatte keine Ahnung, dass Sie ein Kind erwarten.“ Er verbeugte sich tief und schritt davon.»

Не изменяя композиционного формата — это повествование в форме короткого рассказа — данный ЯИА трансформируется в формат ЯБА (15). (15). «Ein junger Mann geht in einem Tanzlokal auf eine schon etwa ältere Dame zu und fordert sie zum Tanz auf. Die Dame erwidert seine Aufforderung mit einem eiskalten Blick und sagt: „Ich tanze nicht mit einem *Kind*.“ „Oh, Verzeihung“, kontert der junge Mann, „ich wusste nicht, dass Sie in gesegneten Umständen sind.“».

Даже поверхностное сравнение ЯИА (14) с ЯБА (15) ярчайшим образом высвечивает принципиальную разницу между ними: в сюжете (15) утрачивается заострённая персонификация предлагаемого для осмысления события, его изображение обретает принципиально большую обобщённость. При этом второстепенные характеристики-уточнители в большей или меньшей мере подвергаются нюансации в том или ином направлении. Однако, по сути, само событие остаётся всё тем же: некое лицо приглашает даму на танец, получает отказ, который дама мотивирует слишком юным возрастом кавалера. При этом во всех случаях реплика высокомерной избранницы «Mit einem *Kind* tanze ich nicht», позволяющая двойную интерпретацию («с кавалером, похожим на ребенка, я не танцую/я не танцую, поскольку я с ребенком = я беременна») кочует из одной редакции анекдота в другую как образующая пуанту.

Для сюжета немецкого ЯИА (16) и сюжета немецкого ЯБА (17) важна диада *flüssig* — *überflüssig*. (16). «Gottfried Keller war wegen seiner rücksichtslosen Offenheit bekannt. Einmal kam ein junger Dichter zu dem Schriftsteller und wollte ein Urteil über seinen soeben vollendeten Roman hören. Keller las das Buch und schrieb schon wenige Tage später an den Autor: „Sehr geehrter Herr! Ihr Stil ist wirklich *flüssig*, aber Ihr Buch ist *überflüssig*“». (17). «Was ist der Unterschied zwischen Wasser und einer Schwiegermutter? Wasser ist *flüssig*. Die Schwiegermutter ist *überflüssig*». Первое, что отмечает реципиент, это несоответствие композиционных характеристик в сюжетах (16) и (17). В отличие от ЯИА (16), имеющего формат повествования в форме короткого рассказа, ЯБА (17) имеет форму шуточного вопроса с лаконичным ответом на него. Поэтому ЯБА (17) не нацелен на получение достоверной информации о запрашиваемом явлении, поскольку не предоставляет никакой, даже завуалированной в аллюзии, отправной информации о нём, а задаваемая смежными понятиями область поиска оказывается практически безграничной. По нашему мнению, вопрос в ЯБА (17) несерьёзен по своей тональности. Он направлен исключительно на то, чтобы неожиданным ответом, лежащим вне зоны прогнозирования, поразить реципиента, спровоцировав его смеховую реакцию. Семантическим механизмом создания юмористического эффекта как в ЯИА (16), так и в ЯБА (17) является игра слов, построенная на основе паронимической аттракции опорных лексем и столкновении-обыгрывании их значений на фоне друг друга.

Сюжеты (18) и (19) также демонстрируют трансформацию ЯИА (18) в ЯБА (19). Сравните. (18). «Als Rudolf Virchow 1849 im Alter von nur 28 Jahren zum ordentlichen Professor in Würzburg ernannt wurde, kam ihm manche missgünstige Äußerung zu Ohren, darunter auch das besonders hämische Urteil eines Fachkollegen für Magen — und Darmkrankheiten. Darüber bemerkte er im

Freundschaftskreis auf seine schon damals sarkastische Art: „Der liebe Kollege versteht es wohl *die Verdauung anderer Menschen zu befördern, aber die Beförderung eines anderen zu verdauen, dazu ist er nicht bereit*“». (19). «Es ist leichter *die Verdauung eines Kollegen zu befördern, als die Beförderung eines Kollegen zu verdauen*». Внимание реципиента вновь обращает на себя факт несовпадения композиционного формата данных анекдотов. В отличие от ЯИА (18) ЯБА (19) имеет форму предложения. Он подобен остроумному высказыванию, обладающему обобщающим смыслом, которое содержит лаконично сформулированный взгляд по определённому житейскому поводу, характеризуется легким юмором и юмористическим взглядом на жизнь. В чем-то этот ЯБА-предложение напоминает веллерию с его претензией на оригинальность [2, с. 70].

Семантический же механизм создания юмористического эффекта и в ЯИА (18), и ЯБА (19) продолжает оставаться прежним. Это столкновение-обыгрывание исходного опорного фрагмента, репрезентируемого существительным *die Verdauung*, сопровождаемым согласованным определением в постпозиции *eines Kollegen*, и глаголом *befördern*, на фоне альтернативного переформатированного опорного фрагмента, репрезентируемого существительным *die Beförderung*, сопровождаемым согласованным определением в постпозиции *eines Kollegen*, и глаголом *verdauen*. Расположение составляющих опорные фрагменты компонентов в указанном порядке следования лингвистически филигранно демонстрирует «перекрещивание» как перемену позиций повторяющихся компонентов из двух смежных отрезков текста. Оно и формирует яркий каламбур, развёртывающийся на структурно-синтаксической основе стилистической фигуры хиазм, когда расположение элементов имеет форму, вид креста (греч. *chiasmus*), «при котором элементы, составляющие две группы, размещены в обратном порядке, благодаря чему возникает мысль о симметрии....» [11]. Исследователи [1, с. 77] отмечают также вторичные характеристики хиазма как сбалансированного предложения, выстроенного симметрично вокруг центральной идеи в прямом, обратном или антитестическом параллелизме и способного благодаря центральному фокусу подчеркнуть главную идею или тему, которую автор стремится передать читателям. В анекдотах (18) и (19) обыгрывание исходного опорного фрагмента *die Verdauung eines Kollegen zu befördern* (где *die Verdauung eines Kollegen* предшествует *befördern*) и альтернативного переформатированного опорного фрагмента *die Beförderung eines Kollegen zu verdauen* (где *die Beförderung eines Kollegen* предшествует *verdauen*) с неизбежностью настраивает реципиента на сравнительное осмысление парадоксальности содержания альтернативного переформатированного опорного фрагмента анекдота на фоне содержания его исходного опорного фрагмента.

Итак, среди немецких исторических анекдотов и немецких бытовых анекдотов особую группу образуют сюжеты, в которых юмористический эффект создаёт присутствующий в их текстовом полотне семантически двуплановый опорный компонент (опорная лексема или более крупный опорный фрагмент).

Немецкие *языковые* исторические анекдоты существуют только в формате повествование (короткий рассказ и короткий диалог), немецкие *языковые* бытовые анекдоты кроме формата повествование (короткий рассказ и короткий диалог) представлены также форматом шуточного вопроса и предложения.

Изучение значительного количества немецких языковых исторических и бытовых анекдотов позволяет сделать следующие выводы по поводу специфики их трансформации народным сознанием:

— возможен только один вектор направления трансформаций юмористических сюжетов, а именно: ЯИА трансформируется народным сознанием в формат ЯБА;

— трансформация немецкого ЯИА в ЯБА не частотное явление;

— трансформация ЯИА в ЯБА имеет место в том случае, когда предлагаемая в ЯИА ситуация-зарисовка из жизни известной исторической личности в конкретную историческую эпоху обретает анонимность в результате утраты с ней прямой связи-референции;

— при трансформации ЯИА в ЯБА изменение композиционного формата сюжета не является неперенным сопутствующим фактором;

— при сохранении сюжетом, трансформируемым из формата ЯИА в формат ЯБА, своего композиционного формата его второстепенные характеристики-уточнители подвергаются / не подвергаются нюансации;

— при изменении сюжетом, трансформируемым из формата ЯИА в формат ЯБА, своего композиционного формата наблюдается тенденция к уплотнению его текстового полотна по принципу «повествование — короткий рассказ» / «сентенция» или «шутливый вопрос»;

— сюжеты в формате ЯБА, обладающие компактным композиционным форматом «сентенция» или «шутливый вопрос», оказываются в немецкой лингвокультуре более частотно востребованным.

Библиографический список

1. Бурканова О. П. Особенности функционирования хиазма в немецком религиозном тексте // Актуальные проблемы германистики : материалы Всесоюзной заочной научно-практической конференции. Саранск : Мордов. гос. пед. ин-т им. М. Е. Евсеева, 2010. С. 75—77.
2. Девкин В. Д. Веллеризмы // Разноуровневые маргиналии в немецком и русском языке : сборник лингвистических статей / под ред. В. Д. Девкина. М. : Прометей, 2006. С. 70—76.
3. Крикманн А. Netinalju stalinist. Интернет-анекдоты о Сталине. Internet humor about Stalin. Tartu : Eesti Kirjandusmuuseum, 2004. 398 S.
4. Курганов Е. А. Анекдот как жанр. СПб. : Академический проект, 1997. 123 с.
5. Миловская Н. Д. Семантика комического. Языковой бытовой анекдот : (на материале немецкого языка). Иваново : Иван. гос. ун-т, 2008. 137 с.
6. Миловская Н. Д. Юмор немецкого этноса. Языковой бытовой анекдот. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2014. 191 с.
7. Buscha F., Buscha J. Sprachscherze. Anekdoten für den Ausländerunterricht. Leipzig : Verlag Enzyklopädie, 1986. 224 S.
8. Deutsches Universalwörterbuch. Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich : Dudenverlag, 2001. 1892 S.
9. Klappenbach R., Steinitz W. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Berlin : Akademie-Verlag, 1962—1977.
10. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 1989. 822 S.
11. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов / пер. с фр. Н. Д. Андреева. М. : Изд-во иностр. лит., 1960. 436 с.
12. URL: <http://www.duden.de/rechtschreibung/Witz>, 2016 (дата обращения: 10.01.2017).